

18+

СЕРГЕЙ ЛАБУТИН

Власть на крови: перекрестки лжи

ПОВЕСТЬ

Сергей Лабутин

**Власть на крови:
Перекрестки лжи. Повесть**

«Издательские решения»

Лабутин С.

Власть на крови: Перекрестки лжи. Повесть / С. Лабутин —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Участие в выборах во все уровни власти несет в себе
закономерный печальный итог: потеря положительных качеств человека,
уверование в свою исключительность, обострение стадного инстинкта,
очерствение души. И никакие белозубые улыбки кандидатов на глянцевых
рекламных фотографиях не смогут скрыть от внимательного взгляда
серость и убогость душ тех, кто еще вчера, в обыденной жизни, казался
непогрешимым. Книга содержит нецензурную брань.

© Лабутин С.

© Издательские решения

Содержание

Власть на крови: перекрёстки лжи	6
Перекресток первый	7
Перекресток второй	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Власть на крови: Перекрестки лжи

Повесть

Сергей Лабутин

© Сергей Лабутин, 2026

ISBN 978-5-0070-8028-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Власть на крови: перекрёстки лжи

повесть

Перекресток первый

Сквозь ночь, дождь и снег, разбрасывая по ветру тусклые искры, шел поезд. В купе спального вагона, скрестив на груди руки, постоянно смежая усталые от бессонницы глаза, сидел человек. Изредка лицо его оживлялось, но через мгновение снова мрачнело. Горькая усмешка не сходила с губ. Сегодня Президент упрекнул его в излишнем служебном рвении. Упрек был несправедлив, потому что, благодаря именно этому «рвению», в стране был сохранен гражданский мир. Война, на которую делали ставку некоторые политики, была задушена в зародыше, но у Президента на этот счет были, видимо, свои соображения, ибо, принимая своего представителя, он не только не подал ему руки, но даже не пригласил присесть. Не желая выслушивать пояснений, Президент тихо, но твердо произнес:

— Вы плохой работник, Семен Евсеевич, и Ваша псевдопринципиальность не устраивает многих. А с их мнением я должен считаться. Как Президент, я обязан обеспечить политическое равновесие в стране, а Вы мне мешаете. Ну, кто просил Вас производить повсеместную замену руководителей силовых структур в Регионе? Сменили бы двух-трех, но не всех, тем более одновременно. Поймите же, дорогой Семен Евсеевич, Ваш нигилизм в решении военных вопросов дружественной нам страны, чуть не завел в тупик переговоры наших правительств. Не возражайте, а слушайте. Их премьер-министр уже дважды откладывал свой визит к нам. А ведь он должен был привезти пакет документов о поставках природного газа.

— Но, господин Президент...

— Я сказал — никаких «но». Сегодня же возвращайтесь в Регион, сдавайте дела. Указ уже подготовлен. Пока Вы доедете, я его подпишу...

Семен Евсеевич Яценко знал, что Президент недоволен его действиями по установлению конституционного порядка в Регионе. Но, объективно изучив оперативную обстановку на месте, Яценко понял, что медлить уже было нельзя. Население могло поддаться на всевозможные провокации со стороны сепаратистов и выйти на улицы. С другой стороны — криминальные структуры в буквальном смысле захватили все ключевые посты в органах местного самоуправления, поэтому Семен Евсеевич обоснованно считал, что тотальная и внезапная смена руководителей силовых структур принесла огромную пользу нарождающейся демократии — этому заморскому чуду, с трудом делающего первые робкие шаги по молодой независимой Республике. Мир был сохранен, но цена этому миру — отставка того, кто сохранил мир. Парадокс!

«Эх, господин Президент, — думал Яценко, — Вы не меня сместили, а себя. Вы утратили доверие народа, который, поверив вашей показной демократичности, подарил Вам президентское кресло. Да, именно подарил, потому что, то недоразумение, при котором вы стали президентом, иначе как подарком судьбы назвать нельзя. И Вы сами поняли, что это подарок. В противном случае, присягнув на Конституции, Вы, господин Внезапный Президент, не осмелились бы распоряжаться достоянием Республики по своему личному усмотрению. Вы отдали страну на откуп временщикам, и это лишило Вас остатков чести, а разбазаривание Вами народных денег, ставит Вас на один уровень с теми, кого я отстранил в регионе. Вот истинные причины моей отставки. Вот где собака зарыта».

...Проводник в третий раз предложил чаю, но, услышав очередной отказ, ушел к себе и больше не появлялся. Ночь без усталости бежала рядом с вагоном, бесстыдно заглядывая в окна глазами пристанционных фонарей, выплескивая пригоршни желто-бело-красного света на измученное внутренней борьбой задумчивое лицо молчаливого пассажира. Перед мысленным взором Яценко проплывали картины его большой и неумной жизни: школа, комсомол, учеба, интересная работа, друзья, наставники, направление на комсомольскую работу. Потом работа в советских и партийных органах. И на всех ее участках для Семена Евсеевича главным было служение людям. А недавно Яценко был избран в Верховный Совет, и главным его делом

стала работа по защите интересов родного Двуреченска. Постоянное общение с людьми обострило чувство ответственности за судьбу каждого человека, нуждающегося в помощи. А таких с каждым днем становилось все больше и больше. Преобразования в стране больно ударили по доверчивым душам законопослушных граждан. Если раньше люди сообща бегали в поисках чего-то, пропадали в очередях, навещали дальних родственников, приглашали к себе друзей, отмечали все государственные праздники, то сегодня каждый оказался предоставлен самому себе. А что может быть страшнее коллективного одиночества? Видеть вокруг себя людей, осязая их, но чувствовать опустошенность их сердец, холодность мыслей, настороженность взглядов — что может быть печальнее? И уже бессильны божины заповеди, иссякает вера, обесценивается человеческая жизнь. Куда подевалась наша славянская разудалость? Кто стибрил нашу веселость и задор? Кто польстился на нашу извечную отзывчивость? Пьянки, дебоши, семейные ссоры, рост преступности, экономическая неразбериха... Все сплелось в такой тугой узел, что невольно вспоминаешь Гордия с Македонским. А малолетние беспризорники, сбившиеся вокруг рыночных костров как матросы перед штурмом Зимнего дворца на старых большевистских кинолентах? Чьи бы ни были эти дети — они наши дети, наши граждане. Голодные, оборванные и пока еще с добрыми глазами. И на фоне этой беды — иномарки, помпезные банкеты очумелых от скоробогаства «новых русских» и иже с ними. Ах, если бы только не ставили палки в колеса!

Когда встал вопрос об отделении региона — обстановка сложилась чрезвычайная. Четко прослеживались интересы соседней страны, запахло иностранным вмешательством, гражданской войной. И президент поручил Яценко обеспечить нормальную работу всей государственной машины в Регионе. Пришлось решать вопросы флотов, взаимодействия между ними. Находить множество других решений связанных с личностными качествами мэров приморских городов и флотских начальников. Центр никаких директив не давал. За все приходилось отвечать самому. Права на ошибку не было. И вот теперь, когда опасность гражданской войны миновала, отодвинулась угроза иностранного вмешательства, когда Регион отказался от политики сепаратизма в отношении центра — последовала отставка. Такого отношения к себе Яценко не мог простить. Никому. Даже президенту...

«Где Вы были, господин Президент, когда ваше окружение уничтожало национальный флот, продавая налево и направо жалкие крохи того, что осталось от „братского дележа“? Шло на поводу у дипломатов соседней страны, которая была готова применить военную силу? Вы пальцем не пошевелили, чтобы воспрепятствовать открытому сепаратизму, и не только в Регионе. Вы допустили, чтобы на нашей территории состоялись тайные переговоры „заинтересованных“ сторон, и на этих переговорах была достигнута договоренность о времени обращения в ООН и ОБСЕ — о телеграмме руководству соседней страны с просьбой ввести войска. Вы знали об этом, но отмолчались, как и все средства массовой информации. Вы, как главнокомандующий Вооруженными Силами страны, не удосужились оповестить о национальной опасности военных начальников. Ко всему прочему Вы еще и трус. Видно, сильно обиделся Господь на наш народ, коль подsunул нам такую бестолочь. Но мы отмолим свои грехи, господин Внезапный Президент, отмолим. И тогда придется отвечать за все: и за утраченную веру, и за развал сельского хозяйства, и за разруху в промышленности, и за миллионы обнищавших граждан, и за ту Конституцию, на которой Вы лгали своему народу, и за невиданную коррупцию, которую Вы удочерили. Неужели Вы не видите, что Ваш путь усыпан проклятиями обманутых Вами людей? Менее чем за десять лет наша родина превратилась в экономически отсталую, слабую в военном отношении страну. Мы становимся сырьевым придатком всего мира. Никто не принимает всерьез нашу дипломатию, а над тем, что мы называем демократией — посмеялся бы даже Пиночет. И Вы еще хотите баллотироваться на следующий срок? Что ж, выдвигайтесь, но на голоса двуреченцев не рассчитывайте. Обстоятельства вынуждают меня принять участие в выборах мэра, и я не позволю, чтобы самый главный пост в государстве

занимал человек чуждый бедам своего народа, не умеющий и не желающий чувствовать его боль, жить его заботами, бедами и радостями».

Перекресток второй

Море. Душа тянется к нему, как подсолнух к солнцу. Где, в каких пластах времени зародился этот зов? Необъяснимое чувство одиночества переходит в нестерпное желание быть частицей величавой отдыхающей стихии, чтобы потом, повинувшись извечному инстинкту самосохранения, встать на дыбы и показать невидимому противнику свою бесшабашную силу и ухарство. Вот она — аналогия с той силой, что кипит в душах людей, обманутых своим же государством. Сила, имя которой — бунт...

Семен Евсеевич чувствовал приближение бунта в Регионе. Если люди, доведенные до отчаяния полуголодным существованием, выйдут на улицы — крови не избежать. Бунт толпы страшен своей непредсказуемостью. История помнит и Разина, и Болотникова, и Пугачева. История помнит, а вот некоторые...

— Встать, суд идет!

Секретарь суда самодовольно прищурилась на притихшую публику, задержала ироничный взгляд на истце, на его значке народного депутата, и негромко, как бы подчеркивая свое превосходство, обронила:

— Прошу садиться.

Зал снова ожил, загудел как улей. Настырные журналисты защелкали кнопками диктофонов. Ребята из телекомпании «Адам» включили было прожектор, но властный окрик судьи отменил всю их подготовительную суету:

— Я прошу убрать видеокамеры!

На мгновение снова зависла тишина, но потом раскололась на десятки возмущенных голосов:

— Вот так правосудие!

— А разве заседание закрытое!

— Вы сами нарушаете Закон о прессе!

— Объясните же, почему?

Особенно возмущались телевизионщики, но судья пригрозила вызвать наряд милиции.

— Всех, кто будет мешать отправлению правосудия, ждут неприятности!

Видеокамеры были вынесены.

— Итак, — сказала судья, — заседание продолжается. Слово предоставляется истцу. Пожалуйста, Семен Евсеевич.

Яценко отвернулся от окна с прилипшим апрельским солнцем, и с глухой яростью, кипящей крутым кипятком в груди, поднялся с места. Его возмущало, бесило холеное лицо судьи. Его доводил до неистовства судебный фарс. Уже последнему городскому бомжу было известно, что выборы мэра бесстыдно сфальсифицированы. Что кандидата Яценко «кинули» как обыкновенного лоха. А судья, с дьявольскими ухищрениями сдерживая саркастическую улыбку, выставляет его на всеобщее обозрение. Конечно, в зале больше друзей и соратников, но есть и такие, от которых не ускользнет ничего, и от которых будет зависеть содержание завтрашних городских сплетен.

— Говорите же, Семен Евсеевич.

«Что говорить? Ну, что говорить, если в жалобе указаны аж тридцать нарушений действующего законодательства? Что говорить, если нарушен принцип волеизъявления избирателей — тайна голосования? Ведь только на основании этого нарушения, письменно подтвержденного более чем тремя десятками свидетелей, выборы нужно признать несостоявшимися. А подчистки протоколов? Какая наглость! Некоторые графы исправлялись по несколько раз, протерты до дыр, а в отдельных протоколах просто зачеркнуты, а рядом проставлены дру-

гие цифры с сумасшедшими расхождениями в пользу действующего мэра. Вот эти протоколы. Перед глазами судьи. Какой цинизм!».

Семен Евсеевич откашлялся и, глядя прямо в глаза судье, негромко сказал:

— Ирина Матвеевна. Все что я хотел сказать, перечислено в жалобе. Кроме того, мои интересы представляет опытный юрист, я ему выдал доверенность, он здесь присутствует.

Конечно, Яценко и сам прекрасно справился бы с ролью истца, но позиция судьи раздражала его. Семен Евсеевич знал, что судопроизводство молодой республики страдает всеми болезнями бывшего СССР, но телефонное право расцвело в полном объеме только сегодня, на восьмом году независимости.

Ребята из его команды разузнали, что «старый» мэр Неволин звонил судье и требовал, чтобы Решение было у него сегодня к двенадцати часам. Он так и сказал:

— В двенадцать часов Решение должно лежать у меня на столе.

Из других источников стало известно, что он пообещал судье новую трехкомнатную квартиру. Политическая агония Неволина затягивалась. Приезд Президента накануне выборов, обещанная поддержка в будущем, лишь продлила эту агонию и усилила антагонизм в отношении Яценко. Президент просил, во что бы то ни стало не допустить Яценко к мэровскому креслу. Неприязнь Президента к своему недавнему представителю зашла так далеко, что он, оставшись наедине с Невוליным, сказал открытым текстом:

— Делай что хочешь, но Яценко должен проиграть. Используй все рычаги, я тебя прикрою. И позаботься о средствах массовой информации. Бери пример с Перепела. Он одним звонком закрыл «Правду республики», и никакая прокуратура, никакой, суд ничего не смогут изменить. Как у тебя с этим делом? Шавки есть? Тявкают?

— Пытаются. Есть тут одна тьявалка с московским акцентом.

— Кто такой?

— Редактор газеты «Городские вести».

— Так посади его.

— Не могу. Он доверенное лицо одного кандидата в Верховный Совет. Если сейчас тронешь — хлопот не оберешься.

— Закрой газету.

— Оснований нет.

— Так найди, раздраженно бросил Президент и закончил: — Проиграешь выборы — пеняй на себя. Мне политические трупы не нужны. Скоро президентские выборы, мне нужны будут голоса избирателей, а без тебя их может и не быть. Так что, выиграешь ты — выиграю я. А выиграю я — снова выиграешь ты. Портфель вице-премьера ждет тебя. На твоём пути одна помеха — Яценко.

— Есть еще Шеремет.

— Это статья особая, — вздохнул Президент, но я беру его на себя. Однако, ты его не очень-то празднуй. Он хоть и руководит областным Советом, но область-то моя. Мой представитель в области уже работает по дискредитации его как партийного лидера, а исполняющая обязанности генерального прокурора Савицкая, в ближайшее время возбудит против него новое уголовное дело...

Президент уехал, а Неволин крепко задумался. Спецслужбы доложили, что процент голосов, отданных за него, будет катастрофично мал. Шансов выиграть выборы — никаких. Преимущество явно на стороне Яценко. «Неблагодарный, — думал Неволин, — да если бы не я — не видать ему Верховного Совета. И чего не сидится в парламенте? Ну, кто он такой? Председатель районного Совета. Пытался, правда, взлететь повыше: сделали его представителем Президента в Регионе, так он и там наломал дров. Зачем ему город? На меня зуб точит? Так и у меня зубы есть. Неужели Яценко настолько глуп, что не понимает, куда прется? Никто ему город не отдаст. И не потому, что этого не хочет Президент, а потому, что этого не хочу я. Никчем-

ный человек. А вот команда у него хорошая. Как эти люди к нему попали? Чем он задурил им головы? По последним данным он держит их впроголодь. Жаль мне этих ребят»... У Неволлина были основания для таких мыслей. Из всей команды Яценко на прошлых выборах в Верховный Совет остались только двое. Остальные шестнадцать, не дождавшись благодарности, разбрелись кто куда. И это стало известно людям. Такой поступок Семена Евсеевича вызвал глухую настороженность среди электората. Многие избиратели посчитали это за личную обиду, чем не преминул воспользоваться Неволлин. В разгар новых предвыборных свар средства массовой информации под различными предлогами отказывались предоставлять Яценко возможность пообщаться с избирателями. Наоборот: все, что могло сработать против него, публиковалось из номера в номер. Горячие проклятья в его адрес сыпались с телеэкранов из уст некоторых представителей городской интеллигенции. И в конце концов фамилия Яценко стала символом непостоянства, обмана и предательства.

Новая команда Семена Евсеевича, набранная по непонятному принципу, из случайных людей, долго не могла обрести дух коллективизма, а когда все это было обретено — было уже поздно. Оставалось надеяться на чудо, но как показала история человечества — в стране с несовершенной конституцией чудес не бывает, поскольку все они находятся в руках одного человека, не имеющего никакого желания показывать их. Эпоха Христа прошла. Это он мог семью хлебами накормить тысячи голодных. Сейчас каждый добывает свой хлеб сам, и при этом отдает львиную долю своему «кудеснику», умоляя совершить чудо. Бедный народ! Никак не может забыть колючую проволоку соцлагеря. Никак не хочет отречься от ярма и, сотворив себе очередного кумира, бьет земные поклоны, расшибая до кровянки лоб. И очередному кумиру нужно быть круглым идиотом, чтобы по собственному почину сойти с пьедестала, на котором очень удобно жрать, спать, предаваться развлечениям и иногда от большой любви к народу пощелкивать бичом, возвращая рабов в исходное положение.

Маленькие кумирчики на местах во всем подражают большому Кумиру, отдав власть на откуп пройдохам, для которых наступивший в стране беспредел оказался надежной гарантией их благополучия.

И Сатана стал править бал...

Перекресток третий

Проверяя готовность избирательных участков к выборам, помощник народного депутата, баллотирующегося в мэры города, Львов Сергей Петрович обратил внимание на полное или частичное отсутствие наглядной агитации Яценко и односложные заученные ответы председателей участковых комиссий. Натренированное писательское ухо Львова улавливало схожесть ответов, стилистику. Что-то было общее в этих усмешках, ухмылках. Чувствовался единый инструктаж. Все как попугаи талдычили одно и тоже:

— Агитационные листки только что поступили, сейчас будем развешивать...

Когда же вопрос касался избирательных бюллетеней, их количества — ответы также были стандартными:

— Сколько исполком выделил, столько и получили. Сказали, если не будет хватать — еще подвезут.

И все это с неременной лживо-язвительной улыбкой.

После шестого участка Львов не выдержал.

— Да они издеваются!

На что его спутники — отец и сын Веневитиновы — доверенные лица кандидата в мэры — резонно заметили:

— Они просто нас дурачат. Мы еще неделю назад сами завезли всю наглядную агитацию на все участки.

— Да, — грустно сказал Львов, — эти выборы попьют нашей кровушки.

— Давайте, наверно, составлять акты, — предложил Веневитинов-старший — Григорий Павлович.

— Конечно, — поддакнул его сын Павел.

Сергей Петрович видел их всего четвертый раз, но уже успел к ним привязаться. Еще при первом знакомстве выяснилось, что Веневитинов-старший в 1989 году давал добро на выпуск первой книжки стихов Львова. (Григорий Павлович работал в то время городским цензором). Сергей Петрович Львов — сегодня один из руководителей крупной общественной организации страны — был благодарен Григорию Павловичу за то, что тот без всякой волокиты дал разрешение на выпуск книги Львова, которая принесла ему известность в литературных кругах области. Вскоре цензуру и вовсе отменили, и началось всеобщее нашествие литературных поделок. Писательская бездарь зашевелилась, и на читателя ринулась орда самодельных литераторов. Началась хаотичное всеобщее нашествие литературной саранчи. Горе-литераторы с удивительным упорством дурили головы спонсорам, получали деньги на издание мизерных тиражей своих благоглупостей, которые дарили друг другу с такими же глупыми дарственными надписями. Литературная жизнь города умирала.

Сергей Петрович Львов, воспитанный в лучших традициях дальневосточного мушкетерства, с ужасом смотрел на происходящее. Он понимал, что, если эта вакханалия продлится еще хотя бы год, — позора не миновать. Областная писательская организация, изучив так называемую свободную литературу, поставила жирный крест на Двуреченске, и как ни старался Львов доказать, что в городе есть хорошие литературные силы — никто с ним не соглашался.

— Мы бы рады тебе поверить, — говорили руководители областной писательской организации, — но не можем. Посмотри сам, — они трясли перед глазами Львова скверно изданными брошюрками, — это же не книги, это какое-то недоразумение!

Сергей Петрович соглашался с ними, но стоял на своем:

— Есть у нас хорошие писатели, есть.

— Ну, как найдешь — покажешь, а пока — извини, не верим.

Многие недоумевали:

— Старик, что ты за них горло дерешь? О себе подумай. Делай вторую книгу и вступай в Союз писателей. Мы тебя знаем, дадим рекомендации. Ты уже профессионал, а те так и останутся любителями. И это правильно. Из сотни пишущих один или два — не больше — становятся писателями. Ты не ершишься, а поезжай домой, изучи обстановку, попробуй объединить то, что осталось. А через год вернемся к этому разговору.

Львов так и поступил. Собрал остатки красносинищиков и обратился к ним с неслыханной дерзостью:

— Ребята, — сказал он, — я считаю, что нам нужно объединиться. Но не в литобъединение, которое на сегодня себя изжило, а в новую организацию. Организацию с профессиональным уклоном. Я предлагаю создать Союз писателей Двуреченска.

Едва он закончил речь, как среди присутствующих послышались крики:

— Какой Союз, ты о чем?!

— Это провокация!

— Нам этого не нужно!

Львов стал доказывать, что никто не захочет считаться с литераторами, пока они не обретут силу, а сила, как известно, в коллективе. Но коллектив или организация без легитимности ничто не значит, пустой звук. Нужна организация с печатью, счетом в банке.

— Единоличное спонсорство заканчивается. Скоро никто не будет давать деньги в частном порядке, а вот организации будут помогать. Да и самим можно будет зарабатывать...

Как Львов сказал, так и вышло. Спонсорский ручеек иссяк, книжки выходить перестали. Литераторы загрузили. И когда на очередном собрании Сергей Петрович снова поднял вопрос

о Союзе — все были «За»... После четырех лет работы председателем Союза писателей Двуреченска Львова неожиданно пригласили на работу в Столицу. Там он и познакомился с представителем Президента в Регионе. После нескольких встреч Семен Евсеевич предложил Львову стать его помощником-консультантом. Сергей Петрович принял предложение народного депутата, и сегодня, объезжая избирательные участки, с яростью сжимал кулаки.

— Подонки, — сплевывал он, — сговорились. И ничего не боятся.

— А им бояться нечего, — поддакнул Григорий Павлович, — у них все схвачено. Вся мэрия, все ее службы работают против Яценка. Не зря Президент приезжал. Видимо, много чего наобещал Неволину. Вот он и чешет задницу.

— Да, — кивнул Львов, — для Неволына потерять кресло мэра равносильно смерти. Если сам себя вдруг не застрелит — крутые грохнут. Они ведь на него поставили по-крупному.

Львов был близок к истине. Городские бандформирования давно уже держали Неволына за «шестерку». Он был им нужен как ширма, за которой они могли делать все, что захотят. Единственной сдерживающей силой в городе был Яценко. И как ни старались «крутые» подбратиться к нему — Семен Евсеевич оставался непреклонным. Вот тогда и был заключен союз между «крестным отцом» двуреченской мафии Кайдашем и Неволыным. Бандиты обязались привести Неволына к власти, а он должен был дать им зеленый свет...

Перекресток четвертый

Судебное заседание, превращенное в комедию, вызывало в душе Львова отвращение. Открытое издевательство судьи над здравым смыслом, пренебрежение процессуальными нормами судопроизводства порождало в нем волну протеста. Уже было опрошено в качестве свидетелей одиннадцать человек, в коридоре ожидали очереди еще десять, но судья вдруг объявила о прекращении допроса свидетелей, мотивируя свое решение тем, что все свидетели говорят одно и то же.

— Я настаиваю на допросе всех свидетелей, — запротестовал адвокат Семена Евсеевича.

— Это уже ни к чему, — подал голос представитель горизбиркома, — эдак мы и за месяц их не переслушаем. Да и что это за свидетели? Они же все из команды Яценко, им верить нельзя. Они лица заинтересованные.

Зал снова загудел:

— Что значит «заинтересованные»?

— Правильно они говорят.

— Они же поклялись говорить только правду. Или это все для проформы?

Адвокат Семена Евсеевича развел руками.

— Ирина Матвеевна, — с открытым упреком сказал он, — в Законе четко сказано, что суд обязан изучить все обстоятельства по делу. Поэтому я считаю, что опрос свидетелей необходимо продолжить. Я настаиваю на этом.

Однако позиция судьи осталась неизменной:

— Допрос свидетелей окончен, объявляется перерыв. Послезавтра, в десять часов продолжим заседание.

Сергею Петровичу стало стыдно. За Яценко, за команду, за себя, за тысячи горожан, которых подло обманули. За правосудие, которое с такой же подлостью только что опорочила судья.

— Ну что, Петрович, думаешь по этому поводу? — спросил Львова на улице Григорий Павлович. — Какое решение примет суд?

— О каком суде ты говоришь? То, что происходит в зале суда — это позор. И тебе, и мне, и людям нашим. Я видел, с каким воодушевлением шли избиратели на участки. С такими лицами наши бабушки и дедушки под венец шли. Люди голосовали против нищеты, в которую

затянули их такие вот неволины и иже с ними. Люди шли голосовать за свое будущее, а оказались в прошлом. Неволин не выиграл выборы, он их украл. Горожане голосовали за Яценко, но не учли одного: они играли честно, веря в Конституцию, в законы. На этой вере их и кинули.

— Ты думаешь, Яценко зря затеял тяжбу?

— Это не тяжба, дорогой Григорий Павлович. Это, может быть, первая попытка в нашем городе показать людям, что не все покупается и продается. Это первое. И второе: в суде, вольно или невольно, представитель горизбиркома признал, что нарушения избирательного права были. А то, что он считает их несущественными — лишний раз доказывает его продажность. Не может Закон быть нарушен чуть-чуть. Нарушение или есть, или нет. Это как беременность. Но меня больше всего тревожит позиция судьи. Если она действительно спляшет под дудку Неволлина — значит, на демократии можно будет поставить жирный крест. Государство, в котором судья извращает принципы судопроизводства, явно отстаивая интересы одной стороны, толкует Закон в соответствии со своим аппетитом, — такое государство не может быть демократическим. Более того, такое государство становится опасным для своих граждан. Робеспьера помнишь?

— Помню. И Марата тоже помню. И тридцать седьмой год большевистской эры тоже помню.

— То же самое происходит и у нас. Публичных казней, правда, нет, но политическая гильотина уже запущена. Я нисколько не удивлюсь, если все явные сторонники Яценко будут уволены с работы под вполне благовидным предлогом. И никто, я подчеркиваю, никто не сможет их защитить, поскольку защиты нигде нельзя будет найти. И мы с тобой первыми стоим в их «черных списках».

— Так что теперь, руки вверх?

— Фигушки! Не дождутся. По крайней мере, от меня. Но мне легче. Я писатель. Моя работа — литература. У меня никто не сможет ее отнять, а вот ребята могут попасть в переплет. Нужно придумать что-то такое, чтобы в случае беды можно было бы иметь кусок хлеба. Надо будет поговорить с ребятами, с Яценко.

— А если Яценко проиграет суд?

— Я же говорю: на случай беды.

— Неужели Неволин пойдет на такую подлость?

— Он уже пошел. Я сегодня виделся с журналистами. Они такое разнюхали. У них же, как в органах, везде есть свои глаза и уши. Стало известно, что местные бандиты ночью, когда свозили бюллетени в исполкомы, останавливали машины, выкидывали мешки с бюллетенями, а взамен забрасывали другие мешки с другими бюллетенями, в которых уже были проставлены пометки за Неволлина. Понимаешь?

— Да ты что, Петрович. Это же полный... а что водители, сопровождающие? В машинах же менты были.

— Были. Менты, как ты говоришь. А были бы милиционеры — может, и по-другому было бы.

— Не верю, — поджал губы Григорий Павлович.

— Верь не верь, а такой слух живет.

— И никто не сопротивлялся?

— Может, кто и хотел, но, когда на тебя наставлен автомат — желание быстро пропадает.

— Даже так? Неужели автоматы

— Кто его знает, как было на самом деле? Все молчат. Кому нужна дырка в голове?

— Неужели Неволин так нужен бандитам?

— Нужен. Ты вспомни о банках, трастах, страховых обществах. Сколь обдурили людей! Сколько денег украли! Последние сбережения. Люди на похороны годами копили, поверили сукам этим. И все делалось под крышей горисполкома во главе с Невוליным. Многие из этих

подлецов пошли бы под суд. Но не под этот, который сегодня мы видели. И первым судили бы Неволлина, а он много чего мог бы рассказать. Так что бандиты спасают не его, а свои, вернее — наворованные — денежки. По крайней мере, я так думаю. У иных могут быть свои соображения, но я считаю, что с приходом Яценко, всей этой шушере пришлось бы прятаться. Вот они и пошли на крайние меры. Нужно быть настороже. Могут ведь и за свидетелей взяться. Не зря же отложен суд. Если завтра многих свидетелей не досчитаемся — суд будет проигран. Они еще не все деньги украли. Вот как воровать будет нечего — вот тогда бандиты сами сдадут Неволлина.

— Ну, с бандитами все понятно, им есть, за что держать ответ, а вот интеллигенция городская: ей-то чего опасаться?

— Что ты имеешь ввиду? Мне кажется, что с ней все в порядке. Как ни запугивал Неволлин, а в четырех районах победил Яценко. Мы же видели протоколы. Не те, что представлены суду, а настоящие, заполненные в ночь выборов. Я думаю, что как раз интеллигенция тут и постаралась. И контракты не помогли. Кстати о контрактах: Неволлин, заставляя учителей, врачей, работников культуры заключать с ним эти контракты, грубо нарушил Европейскую конвенцию о правах человека. Я уже не говорю о трудовом законодательстве. И если бы не продажность судей, то ему пришлось бы отказаться от такой добровольно-принудительной системы приема на работу. И он бы лишился мощного рычага воздействия на своих подчиненных. Конечно, в семье не без урода. Помнишь выступление директора городского театра по телевидению?

— Я об этом и хотел поговорить. Сколько грязи она вылила на Яценко. А ведь была его доверенным лицом. Такой пассаж.

— Тут тоже все понятно, Григорий Павлович. Когда Трикозенко давала согласие быть доверенным лицом Яценко, она еще не знала, что Президент даст команду нейтрализовать Шеремета. Для своего ума она рассчитала верно. Яценко не устоит, Неволлин станет мэром, и ей придется замаливать грехи, иначе ее выгонят с работы. Так она решила вовсе не грешить — отказалась быть доверенным лицом Семена Евсеевича. А чтобы показать собачью преданность Неволлину — выступила с обвинениями в адрес Яценко, как бы в порыве патриотизма, желая вывести его на чистую воду. Честно говоря, мне жаль Варвару Дмитриевну. Несмотря ни на что, Шеремет прошел в Верховный Совет и остался лидером партии, за которую избиратели отдали шестнадцать процентов голосов. В Верховном Совете у партии будет своя фракция, и Президент ничего не сможет сделать. Единственно, кому он может навредить — это Яценко. Но и это не беда. В горсовет прошли наши партийцы, в областной Совет. Даже если Неволлин и останется мэром — Яценко будет ему не по зубам.

— Но что будем делать мы?

— Не знаю, но считаю, что нужно продолжать работать на партию. Если мы отойдем, другие отойдут — вот тогда будет плохо. Нас мало, но достаточно, чтобы защитить Яценко, поддержать его морально.

— Правильно говоришь, Сергей Петрович, а что будешь делать, когда деньги закончатся?

— Они давно уже закончились. Я ведь на службе не состою, перебиваюсь случайным заработком. Сейчас думаю книгу писать о выборах. Кто лучше меня напишет? Я же оказался в самом центре политических игр. Мне сам Бог велит написать об этом. Напишу — будут деньги.

— А пока пишешь, как жить?

— Да что ты заладил, как да как? Как-нибудь, малой скоростью. Нас ведь, слава Богу, двадцать человек. Что-нибудь придумаем. Ты куда сейчас идешь?

— Домой.

— Я тоже домой. Завтра увидимся...

Они распрощались. Львов хотел поехать на трамвае, но передумал, решив идти пешком, через парк. Проходя аллеями парка, он набрасывал план будущей книги. Выборная эпопея с

криминальным уклоном захватила его. Мысленно выстраивая архитектуру будущей книги, Сергей Петрович испытывал невольную оторопь. Он понимал, что его книга станет опасной, и в первую очередь для него самого, но он также понимал, что сдержать зуд предстоящего творчества он уже не сможет...

Перекресток пятый

Прервав заседание суда, Ирина Матвеевна Соловей закрылась в своем кабинете и отключила телефон. Ей нужно было сосредоточиться, собраться с мыслями, чтобы принять ВЕРНОЕ решение: с кем быть? Союз с Невוליным сулил ей немедленное материальное благополучие. Как-никак, а трехкомнатная новая квартира уже обещана. И чем скорее она примет решение, тем скорее справит новоселье. Да и на карьеру можно будет рассчитывать: председатель областного суда Кудрин позвонил вчера вечером домой и предложил должность председателя районного суда. «Заманчиво. А что взять с Яценко? Денег у него нет. Мэром ему стать все равно не дадут. Значит и квартиры у нее не будет. Да плевать она хотела на Яценко! Конечно, если по закону, то Неволин должен отдать кресло мэра Яценко. Вот придурки! Не могли выборы организовать. В просвещенной Европе такие неволины подают в отставку в двадцать четыре часа. А Яценко тоже хорош. Просидеть четыре года в Верховном Совете и не подумать о своем будущем. Да я бы на его месте лоб расшибла, а вынесла бы на рассмотрение законопроект о выборах. И никакие районные суды не имели бы права рассматривать жалобы на нарушение избирательного законодательства. А эти недотепы все отдали в руки местных судей. И ведь знали, ох как знали, что все мы зависим от местной власти. Если бы таким правом обладали хотя бы областные суды, то Яценко уже праздновал бы победу. Пусть теперь пеняет на себя, а я не буду душой. Неволин слово сдержит. Куда ему деваться? На крайний случай, если начнет отнекиваться, можно будет и запись дать послушать. Он думает, что только у него все телефонные разговоры записываются. Мы тоже не лыком не шиты. А его разговоры со мной могут стоить ему не только кресла, но и свободы. Подкуп должностного лица, шантаж, угрозы. Недалекий он человек и жадный. Нахapaл уже на пять жизней и еще норовит. Яценко лучше. Однако зря он сцепился с НевOLIным. Личные амбиции хороши, когда у тебя баба гуляет. В политике обиженных быть не должно. А Яценко посчитал себя обиженным, да еще и обнаружил свою обиду. А народу плевать — он сам обижен, и в первую голову на Яценко, как на народного депутата, который не сумел ему угодить. А Яценко не только народу не угодил, но и Президенту тоже. Наломал дров и просит защиты у народа. С НевOLIным не просто разругался, а стал его личным врагом. Объявил себя оппозиционером существующей власти. Тоже парадокс! Смешно! Ты сначала сам уйди из власти, а потом вставай в оппозицию. Вот тогда, может, и появится повод выразить тебе уважение. Вот тогда, может быть, и я проявила бы принципиальность».

Ирина Матвеевна достала из ящика стола газету «Городские вести» и еще раз перечитала обращение Яценко к избирателям. «Ей-богу — школьник, — вздохнула она, — тот — плохой, тот — нехороший. Обижают его, народного депутата. Не пускают на заседание комиссии, членом которой он является. Неволин, видите ли, приказал не пускать. Но ведь не так все было! Действительно, Неволин распорядился пропускать на заседание комиссии только тех, кто был внесен в список, как приглашенный. Зачем вносить в список членов комиссии? Если бы Яценко не опоздал — то и конфликта не было бы. Охрана по-своему права. Проверили по списку — Яценко там нет. На кого обижаться? Да и стоило ли народному депутату представлять это как личную обиду? Сплоховали помощники Яценко, оказали своему шефу медвежью услугу. Личная обида и останется личной. И политику такого ранга нужно было запрятать ее куда подальше, оставить для лучших времен. А так — холостой выстрел. Кого он напугал? Никого. Кто-нибудь сказал хоть слово в защиту Яценко? Нет, молчание. Партия его

„оппозиционная“ тоже смолчала, не оказала поддержки. Эх, Аника-воин! Да пусть он хоть сто раз выиграл эти выборы — мэром он не станет. За Неволным огромная сила стоит. Сломает он Яценко как тростиночку. И те, кто отдал за него голоса — не пикнут даже. И не потому, что бояться, а потому, что они не знают, как ему помочь»...

Ирина Матвеевна встала из-за стола, несколько раз прошлась по кабинету, включила телефон, который сразу же и зазвонил.

— Алло! Ирина Матвеевна? Это Назаров.

Судья неприязненно передернула плечами. Назаров никогда не вызывал у нее симпатии. Маленького роста, обильно облысевший, с крысиной мордочкой и вечно красным носом алкоголика — он был неприятен многим. Каким образом он стал председателем горизбиркома — непонятно. И это по его милости судья Соловей оказалась на линии огня. В жалобе Яценко указывается на нелегитимность городской избирательной комиссии и, следовательно, всех комиссий, образованных ею. Яценко прав: городская избирательная комиссия была образована не по новому Закону, а по старому, утратившему силу. А ведь доверенные лица Яценко сразу же обратились в горизбирком с жалобой на это нарушение Закона. А что Назаров? Он даже не удосужился зарегистрировать жалобу как положено. Расписался на ней — и все. Да хоть бы уж не расписывался! Теперь эта жалоба в материалах дела. Да по одному этому факту нужно признать выборы несостоявшимися...

— Слушаю, Юрий Александрович.

— Ирина Матвеевна, я по поводу легитимности нашей комиссии. С областью вопрос решен, столица обещала поддержку. Так что можно смело признавать это нарушение несущественным.

— А другие?

— Что другие?

— Другие нарушения тоже несущественны?

— А что, есть еще и другие?

Соловей выругалась про себя, ее щеки запылали.

«Подонки! Что они себе позволяют? Чужими руками хотят жар загребать».

Она хотела было послать Назарова ко всем чертям, но вспомнила об обещанной квартире.

— До свиданья, — Юрий Александрович, тихо сказала она, — не звоните сюда больше... и вообще не звоните.

Ирина Матвеевна положила трубку, но телефон снова зазвонил. На этот раз — Неволин. Как всегда, грубо, почти крича:

— Я просил Решение. Где оно?

Щеки Соловей запылали жарче.

— Анатолий Игоревич, Вы много на себя берете. Я бы не хотела...

— Что?! — Неволин почти кричал в трубку, — кто много на себя берет?! Вы что, забыли, с кем разговариваете?! Или Вам работа не нравится?! Завтра Решение должно быть у меня на столе! Все!

...Успокоившись, Ирина Матвеевна снова села за стол, пододвинула клавиатуру и собственноручно отстучала постановление об аресте избирательных бюллетеней.

— Я вам покажу. Я вас поставлю на место. Циники. Это вы забыли, с кем разговариваете. Я вам не шестерка. Ах, Яценко, Яценко! Ну, почему ты один? Зачем разругался с Президентом? Зачем вступил в «оппозиционную» партию? Зачем ты позволил украсть у себя победу?

Снова зазвонил телефон. Соловей попыталась угадать, кто звонит, но махнула рукой и сняла трубку.

— Ирина Матвеевна? Кудрин беспокоит.

Соловей знала, что председатель областного суда должен был позвонить, но не думала, что так скоро.

— Да, Андрей Владимирович, слушаю Вас.

— Жалуются на вас Неволин, говорит, что Вы затягиваете процесс. Говорит, что сообщит Президенту о проволоке.

— Андрей Владимирович, никакой проволоки нет. Просто Яценко привел в суд тридцать свидетелей. Я опросила одиннадцать и объявила перерыв. А что делать? Ведь для того чтобы нейтрализовать их показания, Неволину тоже нужно представить тридцать свидетелей, а их у него всего пять. Что ж мне оставалось делать? Яценко еще через прессу и радио обратился к населению, чтобы все, кто знает о нарушениях, пришли в суд и дали показания. И люди толпами стали приходить к зданию суда. Вы бы видели, сколь их собралось. И все хотят свидетельствовать против Неволена.

— Ну, хорошо. Я скажу Неволину, чтобы не горячился. А Вы, дорогая Ирина Матвеевна, все же поторопитесь...

Перекресток шестой

— Ну, какие будут мнения в отношении суда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.